

ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН (1979–2024 гг.)

© 2025

М. С. Каменева¹

Статья, написанная на основе доклада, который был представлен автором на Международном конгрессе «Восточный контур: язык, культура, языковая политика», состоявшемся 24–25 октября 2024 г. в МГИМО (Университет) МИД РФ, анализирует языковую политику как важную составляющую проводимой руководством ИРИ культурной политики. В статье показано, что в разные периоды развития страны и при разных президентах изменения в культурной политике вели к определенным трансформациям в языковой сфере. Менялось отношение властных структур к использованию в стране арабского языка, месту и роли национальных и миноритарных языков, функционированию западноевропейских языков, а также отношение к ним в иранском обществе. Вместе с тем, как подчеркивается автором, позиции персидского языка при этом оставались стабильными и прочными, а его престиж непоколебимым.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, культурная политика, персидский язык, национальные языки, языковая политика

Для цитирования: Каменева М. С. Языковой аспект культурной политики в Исламской Республике Иран (1979–2024 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 73–82. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-073-082

LANGUAGE ASPECT OF THE CULTURAL POLICY IN THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN (1979-2024)

Marina S. Kameneva

The article, written on the basis of a report presented by the author at the International Congress "Eastern Contour: Language, Culture, Language Policy", held on October 24-25, 2024 at MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, analyzes the language policy as an important component of the cultural policy pursued by the leadership of the Islamic Republic of Iran. The article shows that at different periods of the country's development and under different presidents, changes in the cultural policy led to certain transformations in the linguistic sphere. The attitude of the authorities to the use of the Arabic language in the country, to the place and role of the national and minority languages, the functioning of the Western European languages, as well as the attitude towards them in the Iranian society changed. At the same time, as the author emphasizes, the position of the Persian language remained stable and strong, and its prestige unshakable.

Keywords: Islamic Republic of Iran, cultural policy, Persian language, national languages, language policy

¹ Каменева Марина Самуиловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; kamenevamarina@mail.ru
Marina S. Kameneva, PhD (Philology), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kamenevamarina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3680-0301

For citation: Kameneva M. S. Language Aspect of the Cultural Policy in the Islamic Republic of Iran (1979–2024). *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2025. No. 3. Pp. 73–82. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-073-082

Исламская Республика Иран (ИРИ) приближается к своему 50-летию. Прошедшие почти пять десятилетий — это время знаковых изменений во внутренней политике и экономике, корректировки внешнеполитического курса страны, что оказывало непосредственное влияние на проводимую в стране культурную политику, важным компонентом которой в иранском культурологическом дискурсе является языковая политика. Любые изменения в культурной политике Ирана ведут к определенным трансформациям в языковой сфере.

Как показывает анализ фактологического материала, изменения в культурной и культурно-языковой области исторически совпадают с приходом к власти нового президента, за исключением первого десятилетия после исламской революции, которое традиционно связывают с именем имама Хомейни, его идеями и установками относительно путей развития обновленной иранской культуры.

Революционные события февраля 1979 г. и принятые на вооружение новым иранским руководством приоритеты в сфере культурной политики внесли значительные изменения и в проводимую в стране языковую политику. Языковая политика в послереволюционном Иране, с одной стороны, представляла собой не что-то абсолютно новое, а являлась продолжением характерных для нее прежних дореволюционных тенденций, а с другой — она реализовывалась уже в новых общественно-политических условиях и под влиянием новых идеологических установок.

В языковой политике в ИРИ в первое десятилетие после исламской революции в сравнении с предреволюционным периодом прежде всего произошли серьезные изменения в юридическом статусе языков, функционирующих на территории страны.

Во время правления династии Пехлеви единственным государственным языком признавался персидский, хотя в первой и единственной до 1979 г. конституции страны, датированной 1906 г., не был законодательно закреплён статус ни одного из используемых на территории Ирана языков. Возводились преграды на пути развития местных или, как нередко пишут в исследованиях по Ирану, языков национальных меньшинств и их употребления в жизни неперсидских народов. Исключение составляли лишь языки отдельных этноконфессиональных меньшинств, как, например, армянский. Арабский язык еще к началу XX в. локализовался в сфере религиозного общения. Была предоставлена определенная свобода западноевропейским языкам [Каменева, 2017, с. 87–89].

После исламской революции согласно новой конституции ИРИ, принятой в декабре 1979 г., сохранялось и официально подтверждалось главенствующее положение персидского языка, провозглашенного государственным в стране, на второе и третье места соответственно были поставлены арабский и национальные языки. Статус западноевропейских языков, как и прежде, не был в ней законодательно определен [Ghanun-e asasi-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran, 1979].

Что касается позиций персидского языка, то они оставались достаточно прочными и стабильными, и их никто не оспаривал. Персидский язык продолжал рассматриваться как символ консолидации иранской нации, что уже давно укоренилось в иранском общественном сознании.

Вместе с тем в процессе исламизации или «арабизации» иранского общества в рамках проводимой руководством страны политики панисламизма, оказывавшей влияние и на иранскую культуру, далеко не последняя роль отводилась арабскому языку. После исламской революции культурно-языковая политика была направлена на внедрение арабского языка в систему образования, СМИ, повседневную жизнь, чтобы придать ему, в значительной степени искусственно, более широкие социальные функции в иранском обществе. В этой связи было введено обязательное изучение арабского языка в школах Ирана, организовано его преподавание в широком масштабе по всей

стране — на курсах всеобщего, созданных на различных предприятиях, на специальных курсах для иранских паломников к мусульманским святыням, а также в рамках учебных телевизионных передач. На арабском языке начала издаваться пресса [Keyhan, 14.12.1981; 02.11.1982; Jomhuriye eslami, 17.01.1982; 01.05.1983; 23.07.1983; Ettelaat, 26.07.1982]. Журнал «Голос нации» стал тем периодическим печатным органом, в котором на арабском языке в доступной форме давалась информация о важнейших событиях в Иране и мусульманском мире, а также публиковались сообщения о деятельности Министерства исламской ориентации и международной жизни [Keyhan, 17.01.1982]. Стали регулярно проводиться соревнования в мастерстве чтения Корана, результаты которых широко освещались средствами массовой информации, устраивались научные форумы, посвященные арабскому языку, и многое другое [Jomhuriye eslami, 12.10.1982]. Ведущие религиозные и политические деятели на страницах периодических изданий неоднократно подчеркивали, что арабский язык — язык ислама, язык священной книги «Коран» и что человек, не владеющий им хотя бы в некоторой степени, не сможет понять смысл мусульманской религии [Keyhan, 26.11.1981]. Налицо было стремление иранской власти реанимировать арабский язык и превратить его в важный фактор культурно-языкового развития страны. Шел активный процесс арабизации персидского языка.

Такие взгляды и действия руководства страны поддерживались далеко не всем иранским обществом. Так, например, среди представителей интеллигенции, особенно творческой, были те, кто занимал отрицательную позицию в данном вопросе, высказывая опасения, что избыток арабизмов искусственный персидский язык заменит собой настоящий благозвучный [Tonkaboni Feridun, 1985, № 4].

Вместе с тем и до исламской революции, и в последующие годы в иранской прессе на фоне периодически появлявшихся крайних в этом вопросе точек зрения не раз высказывались соображения и относительно необходимости разумного подхода к внедрению в ИРИ мусульманской культуры и арабского языка как ее важного компонента [Ettelaat, 03.06.1979; 02.03.1984; 13.05.1984; 31.10.1985].

Однако уже со второй половины 80-х гг. стало очевидно, что политика мусульманского руководства в культурно-языковой области, направленная на планомерное и целенаправленное внедрение арабского языка в различные сферы жизни иранского общества, не имела успеха. Несмотря на свой высокий социальный статус языка Корана и мусульманской религии, арабский язык не смог успешно конкурировать с персидским языком. Чужеродность и недоступность для понимания большинству населения Ирана не позволили арабскому языку, подобно персидскому, приобрести более широкие общественные и социальные функции. Наряду с этим персидский язык постепенно начал все больше ассоциироваться с исламом и исламской культурой и рассматриваться как инструмент распространения иранских цивилизационных ценностей в другие регионы мира, и прежде всего в соседние мусульманские государства [Ettelaat, 30.06.1979; 27.08.1982].

Другой важный вопрос в послереволюционной языковой политике находился в плоскости национальных отношений — предоставления национальным языкам, родным для представителей национальных групп населения страны, статуса, соответствующего роли этих языков в жизни того или иного народа. Этот вопрос постепенно приобретал все более острый характер, что было обусловлено и многими конкретными требованиями, выдвигаемыми национальными меньшинствами в культурно-языковой области.

В первые годы после исламской революции, несмотря на существовавшие в национально-культурной области сложности, были сделаны отдельные реальные шаги в их разрешении, в том числе и в ответ на требования некоторых народов Ирана, прежде всего курдов, о предоставлении им автономии.

Наиболее значительные из них затронули Иранский Азербайджан и Иранский Курдистан. В иранской прессе сообщалось, что в школах этих национальных районов наряду с персидским разрешается преподавание национальных языков, а также национальных литератур. Появилась также информация о подготовке в университетах соответствующих провинций курсов азербайджанского и курдского языков, а также курсов литератур на них, об активизации радио- и телепередач и выходе отдельных периодических изданий на этих языках [Каменева, 1981, с. 113–114].

Менее значительные изменения были характерны для небольших по численности национальных групп, например, белуджей, туркмен и некоторых других. Однако даже те положительные результаты, которые были достигнуты в национально-языковой области, в результате обострения внутривнутриполитической обстановки в стране, начавшегося в первой половине 80-х гг., в основном остались на бумаге.

Антизападный тренд культурной политики руководства Ирана также отразился на проводимой в стране языковой политике. До исламской революции западноевропейские языки, в первую очередь английский, играли все возрастающую роль в жизни иранцев. Социальная мобильность иранских граждан и их адаптация к предлагаемым условиям существования в обществе в значительной степени зависели от уровня владения европейскими языками и их количества.

После исламской революции использование западноевропейских языков как элементов западной культуры было сведено в иранском обществе до необходимого минимума. Было запрещено преподавание западноевропейских языков в начальной школе (эти часы были отданы арабскому языку), также были расформированы иностранные учебные заведения, подобные колледжам для американцев в Тегеране и Ширазе, закрыты телевизионные программы на английском языке, переименованы улицы и площади, названные на западный лад, прекращены публикации периодических изданий на английском языке и многое другое [Keyhan, 14.07.79; 01.07.1980; 31.05.1979].

Вместе с тем торгово-экономические отношения и деловые контакты Ирана с западными партнерами, а также обучение иранских студентов за границей не прерывалось и после 1979 г. Западные европейские языки изучались в иранских средних школах и высших учебных заведениях.

Шел активный процесс заимствования лексики из западноевропейских языков, преимущественно английского, а ранее заимствованные персидским языком европеизмы продолжали в нем активно функционировать.

Первое десятилетие после исламской революции — это время зарождения направления в культурной политике, которое принято называть в иранистике ее международным аспектом и под которым обычно понимается включенность Ирана в систему международных культурных связей. Важной и основной на тот период составляющей международного аспекта культурной политики и его главной задачей было продвижение идей исламской революции за пределы Ирана. Иранская культура и в значительной степени именно персидский язык стали ее эффективными инструментами.

Культура этого периода исламская, культурная политика направлена на пропаганду исламских ценностей, в языковой политике также наблюдались значительные исламские мотивы, которые, однако, в ней не превалировали.

Конец 80-х гг. — это начало президентства Али Акбара Хашеми Рафсанджани и далее Мохаммада Хатами (соответственно 1989–1997, 1997–2005 гг.), когда в самом Иране и вокруг него происходило много важных и знаковых для страны событий. К ним прежде всего следует отнести кончину имама Хомейни, завершение ирано-иракской войны и начало созидательного периода в стране, сопровождавшегося ослаблением жесткого идеологизированного курса иранского руководства и поиском, особенно при М. Хатами, оптимального для Ирана пути налаживания связей

с Западом. Не случайно, что в эти годы, а именно в 2001 г., появилась концепция диалога цивилизаций — программа культурного и цивилизационного диалога между восточным и западным миром. Она была предложена М. Хатами и изложена им в многочисленных выступлениях, статьях и книгах [Хатами, 2001].

Эти новые веяния нашли отражение и в проводимой в это время культурной политике, которая принимала во внимание не только исламскую, но и собственно иранскую составляющую. Языковая политика как ее важный компонент также испытала на себе влияние происходивших процессов. В центре внимания в языковой политике оставался персидский язык, на что неоднократно указывали представители иранской власти. Об этом говорил, например, аятолла Хаменеи в 1997 г. на первой Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка, подчеркивая, что «персидский язык является фундаментом и каркасом национального менталитета, величественным и ценнейшим наследием прошлых времен, а также предметом гордости и источником огромных культурных достижений» [Gozarsh-e nakhostin majma, 1997, с. 3–5]. О значении персидского языка как «одного из факторов, способствующих сохранению независимого Ирана, поддержанию его национальной самобытности», также не раз высказывался Г. Хаддад Адель, возглавивший Академию персидского языка и литературы [Name-ye Showra, 1998, с. 6].

Однако имелся ряд вопросов, которые необходимо было решать. Они лежали в плоскости взаимоотношений персидского и арабского языков, необходимости выработки позиции власти относительно роли западноевропейских языков в стране и продолжающегося процесса заимствования европейской лексики персидским языком, не утихающей полемики по поводу путей будущего развития персидского языка и, наконец, региональных амбиций Ирана, где культурно-языковой фактор играл важную роль.

С целью разрешения существовавших в культурно-языковой области проблем и дальнейшего развития персидского языка и укрепления его позиций в стране было создано третье в истории Ирана специальное лингвистическое учреждение — Академия персидского языка и литературы [Farhangestan-e zaban va adab-e farsi].

Она была основана в феврале 1990 г. по решению Высшего совета культурной революции (ВСКР) под патронажем и при поддержке президента страны А. А. Хашеми Рафсанджани и являлась государственным органом. Планировалось, что Академия станет серьезным научным центром, разрабатывающим в первую очередь широкий спектр вопросов совершенствования персидского языка и исследования проблем современной и классической персидской литературы. Вместе с тем Академия появилась в определенной степени в переходный для развития страны и иранского общества период и отразила в своей деятельности свойственные ему тенденции.

В эти годы в новой политической ситуации получил дальнейшее и достаточно активное развитие международный аспект культурной политики. С целью его более успешной реализации в 1995 г. была создана подведомственная Министерству культуры и исламской ориентации ИРИ «Организация культуры и исламских связей». Она была ориентирована на унификацию деятельности в сфере культуры за пределами страны и создание правильного представления об иранской исламской культуре и цивилизации у мирового сообщества. Именно под ее руководством и контролем начали создаваться и приступать к активной деятельности культурные представительства Ирана по всему миру. В 1999 г. такое представительство открылось и в Москве. Они стали каналом трансляции иранской культуры, а вместе с ней и исламской идеологии в разные регионы мира. Решающая роль в этом процессе отводилась персидскому языку [Sazman-e farhang va ertebatat-e eslami].

В 2005 г. президентом Ирана стал Махмуд Ахмадинежад. Он был известен как политик, сочетавший в своих взглядах и деятельности приверженность идеям исламской революции при

усиленном внимании к исламскому фактору и крайне негативном отношении к западным ценностям, с одной стороны, и сторонник защиты доисламских культурных ценностей, с другой. При сохранении прежних тенденций развития постепенно укреплялась идея единства исламской иранской культуры. И этот процесс шел на фоне отхода от теории диалога цивилизаций, терявшей свои позиции в иранском общественном и политическом сознании.

Персидский язык оставался объектом пристального внимания и заботы иранских властных структур. Так, например, в Шестом пятилетнем плане развития страны, принятом в 2011 г., вопросы развития и совершенствования современного персидского языка, его чистоты (от иностранных заимствований — М.К.) занимали особое место. План обязывал правительство продвигать вырабатываемые (Академией персидского языка и литературы — М.К.) языковые стандарты в области персидской графики, способствовать изъятию латиницы с вывесок в общественных местах, в названиях фирм и с упаковок неэкспортируемых товаров и решать другие насущные вопросы, связанные с персидским языком [Каменева, 2013, с. 169].

Вместе с тем, несмотря на антизападные настроения в высших эшелонах власти, росло влияние западных цивилизационных ценностей на иранское общество, и постепенно они завоевывали популярность среди населения страны. В языковой сфере это проявилось в постепенном росте престижа английского языка, а также уровня владения им, особенно среди молодежи, составлявшей значительную часть населения Ирана. В эти годы на иранском телевидении впервые после исламской революции начал работать специальный новостной канал на английском языке — Iran Press, нацеленный на потребление не только за пределами, но и внутри страны. На английском языке стали также издаваться газеты Tehran Times и Tehran Daily. Западноевропейские языки продолжали изучаться в высших и средних учебных заведениях ИРИ. К английскому, немецкому и французскому языкам были добавлены испанский и итальянский. Для изучения западноевропейских языков издавалась специальная литература — учебники и учебные пособия, грамматики, словари, на них публиковались произведения мировой художественной литературы. Что касается собственно персидского языка, то он не только сохранял многие из уже используемых в нем европеизмов, прежде всего англицизмов, но и заимствовал новые, превращая их в неотъемлемую часть своей лексической системы.

Руководство страны, со своей стороны, акцентировало внимание на дальнейшем развитии и совершенствовании персидского языка, обогащении его лексики за счет собственных ресурсов, а не заимствований из западных языков. Оно считало, что такая языковая политика должна была способствовать повышению его статуса в стране, регионе и мире, и даже напрямую связывало региональное лидерство ИРИ с персидским языком в контексте «Иран — региональная держава, фарси — региональный язык [Razai Mohsen. Iran ghodrat-e mantaghei]. И на Академию персидского языка и литературы была возложена задача стать направляющим и регулирующим органом в этом процессе.

Параллельно с обсуждением тем, связанных с настоящим состоянием персидского языка и будущим его развитием, также ставился вопрос о национальных языках, особенно в связи с присутствовавшими на политической арене Ирана в это время проблемами взаимоотношений центральной власти и национальных районов. Г. Хаддад Адель, президент Академии персидского языка и литературы, одновременно возглавлявший в течение ряда лет вплоть до 2015 г. Комиссию по культуре межджила исламского совета, не раз высказывался по этой тематике, повторяя всякий раз, что любое выступление против предоставления свобод национальным языкам направлено против персидского языка.

В ноябре 1999 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО провозгласила день 21 февраля Международным днем родного языка. Этот праздник начали отмечать в мире, начиная с 2000 г. Иран,

присоединившись к этому международному документу, организовал первую церемонию 21 февраля 2004 г., еще в период президентства М. Хатами. Она состоялась в Научно-промышленном университете (Daneshgah-e elm-o-son'at) по инициативе тюркоязычных студентов Тегеранского университета и в дальнейшем превратилась в традицию, которая не прерывается до настоящего времени.

Проблема родного языка не раз поднималась в иранских СМИ. В центре обсуждений находился персидский язык как один из факторов национального единства и сплоченности иранского народа. Вместе с тем вопрос о родном языке ставился также и в иной плоскости: местный язык — персидский язык. При этом подчеркивалось, что они должны изучаться в одинаковой степени, составляя в комплексе содержание понятия «родной язык», что, в свою очередь, является важной составляющей понятия «родина, родная земля» или «mihan-e madari» [Etemad, 19.04.2012; Языковая политика, 2023, с. 106–141].

Проблема родного языка, которую нередко подменяли проблемой персидского языка, также получила преломление в активизировавшейся политике кабинета М. Ахмадинежада по отношению к иранской диаспоре за рубежом — в Канаде, США, Турции, государствах Персидского залива и других странах мира. Именно в этот период по инициативе Министерства культуры и исламской ориентации была принята специальная программа по распространению обучения персидскому языку как важному признаку иранской идентичности за пределами страны в качестве инструмента «сохранения связей с культурой родной земли» [Ettelaat, 09.09.2007; 01.08.2011].

В годы президентства М. Ахмадинежада в реализации международного аспекта культурной политики, как и прежде, значительная роль отводилась языковому фактору, то есть персидскому языку. Руководство Ирана в своей культурно-языковой политике продолжало следовать уже отмеченному выше тезису о том, что персидский язык наряду с арабским является языком ислама и мусульманской цивилизации. Это способствовало росту его престижа особенно в тех странах, население которых говорит на языках, отличных от арабского, как, например, Пакистан, Турция и другие, а также в странах со значительной долей мусульманского населения, как, например, Индия. При этом арабский язык как язык, чужой для большинства населения Ирана и недоступный ему для понимания, продолжал утрачивать свои прежние послереволюционные позиции в стране и со всех точек зрения был не в состоянии составить конкуренцию персидскому языку.

С целью пропаганды персидского языка в мире в апреле 2012 г. была основана специальная неправительственная организация — Фонд Саади. Он был создан для обучения персидскому языку и его изучения за пределами Ирана. В разных странах мира было открыто более 40 специализированных центров этого Фонда [Bonuyad-e Saadi].

В 2013 г. на два срока президентом страны стал Хасан Роухани. Со временем его нахождения у власти связаны изменения как во внутренней, так и во внешней политике возглавляемого им государства. Не осталась в стороне и сфера иранской культуры, культурной политики. Языковая политика этих лет во многом стала продолжением того, что было для нее характерно в предыдущие десятилетия. Как и прежде, она была ориентирована на сохранение и укрепление позиций персидского языка. В ней также поднималась национальная тематика — ставился вопрос о необходимости уделять внимание развитию национальных и миноритарных языков. Об этом говорилось в предлагавшемся правительством в период второго президентского срока Х. Роухани «Проекте программы по национальному вопросу» [Сайт aftabnews], а еще раньше — в Программе 12 кабинета «Свобода и безопасность. Мир и прогресс», представленной Х. Роухани в 2017 г. перед выборами на пост президента страны на второй срок [Ruhani Hassan, 2017, с. 124, 167, 168, 170]. Вместе с тем в связи с ослаблением жесткого антизападного тренда в политике иранского руководства

поднимался вопрос о роли, сферах и широте использования западноевропейских языков, прежде всего английского, в стране.

Именно последнее обстоятельство стимулировало общественную дискуссию, объектом которой стал английский язык и которая стала причиной обострения отношений между иранскими либералами, к которым традиционно относили президента Х. Роухани, и консерваторами, нередко получавшими поддержку духовного лидера, придерживавшегося антизападных взглядов.

Дело в том, что иранские антизападники считают, что именно английский язык является инструментом «тлетворного влияния Запада и его ценностей» на иранское общество. Рахбар многократно повторял, что английский язык не должен преподаваться в учебных заведениях страны, поскольку является наследием последнего иранского шаха, а его распространение способствует росту влияния «сатанинской Америки». Аятолла Хаменеи выступал против какой-либо модернизации сферы культуры и образования, ставя знак равенства между ней и процессами вестернизации. Он неоднократно обращал внимание общества на недопустимость чрезмерного влияния и даже «агрессии» западной культуры в отношении иранской культуры, отмечая при этом важную роль персидского языка в жизни иранского общества, необходимость усиления внимания к нему, особенно в свете влияния на него западноевропейских языков [Rahbar-e enghelab: Daneshgahha be hoch dalil-i].

Однако, несмотря на такую позицию духовного лидера, уже в июле 2016 г. официальные власти Ирана, принимая во внимание стоявшие перед иранским обществом задачи, вынесли на обсуждение и утверждение в ВСКР вопрос о необходимости изучения иностранных языков в школах и высших учебных заведениях страны. Ими было также предложено рассмотреть проблему подготовки комплексной программы по обучению пяти западноевропейским языкам (английский, немецкий, французский, испанский, итальянский), которая должна будет зафиксировать равные возможности в учебном процессе для всех предлагаемых языков без какой-либо монополии одного из них и не в ущерб персидскому языку и национальным и религиозным интересам страны. Такой подход к решению проблемы вполне соответствовал взглядам президента и его либеральных единомышленников, но не разделялся А. Хаменеи и его сторонниками из среды высшей религиозной элиты страны [40 лет Исламской Республике Иран, 2020, с. 144–145].

В этом же контексте следует рассматривать и решение иранской власти, представленное иранскому обществу в начале 2018 г., о запрете изучения английского языка в начальных государственных и частных школах страны, причем как в официальные, так и неофициальные часы занятий. ВСКР дал разъяснение школам, что образовательная программа для начальных классов нацелена на укрепление позиций персидского языка и иранской культуры, и изучение иностранных языков в этот период категорически не рекомендуется. Их было предложено вводить только с начала обучения на среднем уровне [40 лет Исламской Республике Иран, 2020, с. 145]. По мнению многих аналитиков, такое решение явилось следствием протестных акций конца декабря 2017 — начала января 2018 гг., которые, как считалось во властных структурах страны и в некоторых кругах иранского общества, были инспирированы Западом.

В процессе дальнейшего развития международного аспекта культурной политики были реанимированы идеи М. Хатами о необходимости активизации диалога между представителями суннитской и шиитской общин внутри исламского мира, и проводимая руководством Ирана культурно-языковая политика была акцентирована, в том числе, на использовании персидского языка в качестве инструмента для сглаживания межрелигиозных противоречий [Хатами, 2001, с. 6; Камнева, 2012, с. 225–231].

В 2021 г. на выборах президента ИРИ победил Эбрахим Раиси. Его культурная политика — это, с одной стороны, политика возврата к ценностям первого десятилетия после исламской

революции, а с другой — сохранения, вероятно, рассчитанного властью на какой-то определенный отрезок времени, доисламских культурных ценностей.

Проводимая в это время языковая политика в определенной степени стала отражением этих тенденций. Она, как и прежде, была сфокусирована на персидском языке, его сохранении и развитии, поддержании престижа персидского языка в иранском обществе, тем более что в публикациях СМИ стали проявляться тревога и озабоченность власти по поводу снижения уровня владения им иранскими учащимися. Вместе с тем анализ образцов персидских текстов, преимущественно официального характера, демонстрировал намечавшиеся, хотя и не успевшие оформиться в период президентств Э. Раиси и в течение достаточно длительного периода несвойственные персидскому языку, тенденции его чрезмерной арабизации.

19 мая 2024 г. в результате авиакатастрофы погиб президент Ирана Э. Раиси. Новым президентом стал иранский (с большими оговорками) реформатор Масуд Пезешкиан, политик с серьезными этническими корнями, который может придать новые акценты внутренней политике, что, не исключено, также проявится в иранской культуре и культурно-языковой области.

Литература / References

Каменева М. С. Политика исламизации в Иране и ее лингвистические последствия. *Народы Азии и Африки*. 1981. № 5 [Kameneva M. S. Islamization Policy in Iran and its Linguistic Consequences. *Peoples of Asia and Africa*. 1981. No. 5 (in Russian)].

Каменева М. С. Персидский язык как фактор шиито-суннитского цивилизационного диалога. *Языки и культуры: эффективная коммуникация в условиях глобализации*. М.: Цифровичок, 2012 [Kameneva M. S. Persian Language as a Factor in the Shiite-Sunni Civilizational Dialogue. *Languages and Cultures: Effective Communication in Globalization Era*. Moscow: Tsifrovichok, 2012 (in Russian)].

Каменева М. С. О трех подходах к понятию культура в современном Иране. *Иран при М. Ахмадинежаде*. М.: ИВ РАН, 2013 [Kameneva M. S. Three Approaches to the Notion of “Culture” in the IRI. *Iran during M. Ahmadinejad’s Presidency*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2013 (in Russian)].

Каменева М. С. Языковая политика в Исламской Республике Иран. *Языковая политика в условиях глобализации*. М.: РУДН, 2017 [Kameneva M. S. Language Policy in the Islamic Republic of Iran. *Language Policy in the context of Globalization*. Moscow: RUDN, 2017 (in Russian)].

40 лет Исламской Республике Иран. М.: ИВ РАН, 2020 [40 years of the Islamic Republic of Iran. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2020 (in Russian)].

Хатами Сейид Мухаммад. *В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада*. М.: Гуманитарий, 2001 [Hatami Sayyid Mohammad. *Human Being Contains the Soul of the East and the Mind of the West*. Moscow: Humanitarian Publishing House, 2001 (in Russian)].

Хатами Мохаммад. *Ислам, диалог и гражданское общество*. М.: РОССПЭН, 2001 [Khatami Mohammad. *Islam, Dialogue and Civil Society*. Moscow: ROSSPEN, 2001 (in Russian)].

Языковая политика в странах Южной Азии, Среднего Востока и Африки. М.: МГИМО–Университет, 2023 [Language Policy in the Countries of South Asia, Middle East and Africa. Moscow: MGIMO-University, 2023 (in Russian)].

Etemad. 19.04.2012.

Ettelaat. 03.06.1979; 30.06.1970; 26.07.1982; 27.08.1982; 02.03.1984; 13.05.1984; 31.10.1985; 09.09.2007; 01.08.2011.

Ghanun-e asasi-ye Jomhuri-ye Eslami-ye Iran. Fasl-e dovvom. Zaban. Khatt. Tarikh va parcham. Tehran: Ghanun, 1979 [Конституция Исламской Республики Иран. Статья 2. Язык, письменность, история и флаг. Тегеран: Закон, 1979] [The Constitution of the Islamic Republic of Iran. Article 2. Language, writing, history and flag. Tehran: Ghanun Publishing House, 1979 (in Persian)].

Gozarash-e nakhostin majma'-e beynolmelali-ye ostadan-e zaban-e farsi. Tehran, 1997 [*Отчет о первой Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка*. Тегеран, 1997] [*Report of the First World Assembly of Persian Language Teachers*. Tehran, 1997 (in Persian)].

Jomburiye eslami. 17.01.1982; 12.10.1982; 01.05.1983; 23.07.1983.

Keyhan. 31.05.1979; 14.07.1979; 01.07.1980; 26.11.1981; 14.12.1981; 17.01.1982; 02.11.1982.

Name-ye Showra-ye gozash-e zaban va adab-e farsi. Tehran, 1998. № 50 [*Вестник Совета по распространению персидского языка и литературы*. Тегеран, 1998. № 50] [*Bulletin of the Council for the Spread of Persian Language and Literature*. 1998, Tehran. No. 50 (in Persian)].

Tonkaboni Feridun. Andishe-ye eslami. *Name-ye Anjoman-e nevisandegan va bonarmandan-e Iran*. 1985. № 4 [Тонкабони Ф. Размышления об исламе. *Вестник Общества писателей и деятелей искусства Ирана*. 1985. № 4] [Tonkaboni F. Reflections on Islam. *Bulletin of the Iranian Society of Writers and Artists*. 1985. No. 4 (in Persian)].

Электронные ресурсы / Electronic resources

Aftabnews (официальный сайт). URL: <http://www.aftabnews.ir/fa/news/196044> (дата обращения: 10.02.2014) (in Persian).

Bonyad-e Saadi (Фонд Саади, официальный сайт). URL: / <https://saadifoundation.ir/en> [Saadi Foundation (in Persian)].

Farhangestan-e zaban va adab-e farsi (Академия персидского языка и литературы). URL: <https://www.persianacademy.ir>; <https://apll.ir> [Academy of Persian Language and Literature (in Persian)].

Razai Mohsen. Iran ghodrat-e mantaghei farsi zaban-e mantaghei [Разаи Мохсен. Иран — региональная держава, фарси — региональный язык]. URL: <https://www.baztab.com/news/22660.php> (дата обращения: 26.03.2005) [Razai Mohsen. Iran is a Regional Power, Farsi is a Regional Language (in Persian)].

Rahbar-e enghelab: Daneshgahha be hich dalil-i julangah-e jarayanha-ye siyasi nashavad [Лидер революции: Университеты ни в коем случае не должны стать ареной политической борьбы]. URL: <http://www.asriran.com>. 11.12.2013 (дата обращения: 08.01.2014) [Rahbar: Universities under no Circumstances should become an Arena of Political Struggle (in Persian)].

Ruhani Hassan, Barname-ye dowlat-e davazdahom "Azadi va amniyyat. Aramesh va pishraft". Tehran, 2017 [Роухани Хасан. Программа 12 кабинета «Свобода и безопасность. Мир и прогресс». Тегеран, 2017]. URL: <http://www.isna.ir/news/96022213789> (дата: обращения: 10.06.2017) [Rouhani Hassan, Program of the Twelfth Government "Freedom and Security. Peace and Progress", Tehran, 2017 (in Persian)].

Sazeman-e farhang va eretebatat-e eslami [Организация культуры и исламских связей, официальные сайты]. URL: <http://www.icro.ir/index.aspx?fkeyd=&siteid=261&pageid=32272> (дата обращения: 05.02.2015); <http://www.farhang.gov.ir/fa/intro/subordinate/culture-organization> (дата обращения: 05.02.2015) [The Organization of Culture and Islamic Relations (in Persian)].